

Дударева З.М.

доцент кафедры теории и истории языка, проректор по заочному обучению и экономическим вопросам Стерлитамакской государственной педагогической академии, кандидат филологических наук

ВРЕМЯ В РУССКОЙ И БАШКИРСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

В статье рассматриваются языковые особенности отражения понятия времени в русской и башкирской языковых картинах мира, которые выявляются на основе сравнительного анализа метафорических словосочетаний, пословиц и поговорок. Приведенные примеры доказывают, что идея времени не является единой для всех времен и народов, как и ее понимание не является статичным.

Время (как и пространство) относится к универсальным категориям, определяющим устройство мира, а неослабевающее внимание к ним человека объясняется прежде всего тем, что они определяют собой те границы, в которых развертывается человеческая жизнь.

В нашем исследовании мы оперируем понятием языковая картина мира, за которой всегда стоит картина мира, отраженная средствами определенного языка.

Н.Ю. Шведова в своем определении языковой картины мира исходит из понимания ее не как отдельного, удобного для анализа фрагмента лексики, а как картины в целом, как целостного изображения языком всего того, что существует в нас и вокруг нас, и полагает, что языковая картина мира – «это выработанное многовековым опытом народа и осуществляющееся средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмыслиемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком миров и социум» (Шведова 1999: 15).

Г.Д. Гачев считает, что знакомство с любой культурой, ее изучение всегда будут неполными и в некотором смысле даже поверхностными, если в поле зрения человека, обратившегося к этой культуре, не окажется такого основополагающего компонента, как национальная логика мировосприятия и мирооценки. Автор справедливо полагает, что отраженное в языке бытие зависит от того, «какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир и, соответственно, какой космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами» (Гачев 1998: 14).

В основе своеобразия национальной языковой картины мира той или иной этнической

общности лежит различие в общественно-историческом опыте каждого этноса, в специфике его этнической культуры.

Из этого следует, что люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-разному видят и оценивают действительность, что делает весьма актуальными в рамках отражения в языке национальной картины мира сопоставительные исследования, особенно на материале разносистемных языков.

Задачей нашего сопоставительного исследования явилось описание языковой интерпретации концептуальной сферы «Время», которое основывается на выявлении наиболее характерных сходств и различий сравниваемых структур русского и башкирского языков.

При этом одна из главных особенностей контрастивной лингвистики видится нам в том, что она позволяет обратить особое внимание на индивидуально-специфические черты сопоставляемых языков, которые могут ускользнуть от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка.

Для человека ощущение времени и собственное отношение к нему оказывается гораздо важнее, чем осознание времени как физической длительности; наполненность времени событиями и качество времени более существенны, чем его естественный ход. «Для человека время не течет равномерно... оно замедляет свой бег или вообще останавливается, когда ждешь, оно всегда убирается, когда куда-то спешишь. Приходится принимать время таким, каким оно дано каждому из нас, – с его относительностью и ненадежностью» (Крейдлин 1997: 139).

Для лингвистической характеристики категории времени совершенно справедливым является высказанное замечание, что «при описании показателей времени нужно учитывать многочисленные семантические нюансы, обусловленные не только сложностью значений отдельных слов, но и сложностью самой категории времени» (Кронгауз 1990: 52).

Главным темпоральным словом в русском языке, объединяющим все остальные в единую область, является слово *время*.

В башкирском языке не существует однозначного соответствия русской лексеме *время*, хотя очевидно, что в большей мере концепт, вербализованный в русском языке словом *время*, соотносится с концептом, ключевым словом которого в башкирском языке выступает слово *вакыт*.

Мы абсолютно согласны с мнением В.А. Плунгяна, который заметил, что «лексема *время* явно не желает вписываться в принятые рамки лексикографических трактовок» и «скорее всего, есть что-то в ее природе, что этому очень активно сопротивляется» (Плунгян 1997: 160).

Взамен автор предлагает описывать время как слово-хамелеон, сущность которого определяется не тем, к какому классу оно может относиться, а тем, что оно может в каждом из своих употреблений *напоминать* носителю русского языка. При этом он выделяет пять наиболее употребительных «метафорических блоков», которые представляет следующим образом:

1. Время – путник: «то, что движется» (*время идет; время проходит; время подходило к шести...*).

2. Время – агрессор: «то, что разрушает» (*почерневший от времени забор; время не пощадило эти статуи...*).

3. Время – субстанция: «то, количество чего можно измерить» (*осталось мало времени...*).

4. Время – контейнер: «то, что заключает в себе некоторое событие – длительное (отрезок) или мгновенное (точка)» (*во время работы; в это время...*).

5. Время – имущество: «то, чем обладают» (*терять время; тратить время; у меня сейчас нет времени...*) (там же: 161).

Сопоставление метафор ключевых лексем приводит нас к выводу, что семантическая специфика башкирского слова, отражающая некоторые особенности национального менталитета, исключает возможность проявления отдельных способов ее метафоризации. В башкирской языковой картине мира отсутствует восприятие времени как агрессора, что можно интерпретировать как следствие семантических различий между ключевыми словами концептуальной сферы «Время» и как языковое отражение различий в национальных картинах мира.

Подобное рассмотрение толкования лексемы *время* вполне согласуется с замечанием К.Г.

Красухина, что «как любая нематериальная вещь, время выражается с помощью материальных метафор» (Красухин 1997: 63). Дальнейший анализ показывает отсутствие в башкирском языке примеров инструментального прочтения слова *время*, соответствующих, например, русскому *время работает на...* Нет аналога и русскому выражению *убить время*, внутренняя форма которого обладает явным деструктивным значением, не выражается в башкирском языке и семантика «видимой власти» человека над временем, которая проявляется в выражении *наверстать упущенное время*.

Кроме того, в русском языке понятие времени может наполняться понятием «имущество, владение», ср., например, употребление слова *время* в поговорке *Время – деньги*. Подобный «крайний» случай перехода понятия времени в понятие обладания в башкирском языке также не выражен.

Подобная контрастность русских и башкирских метафорических образов говорит о различиях в осмыслинении категории времени представителями русского и башкирского этносов.

Время в русской ментальности – агрессор, но его можно заставить работать на себя. Оно движется с различной скоростью: идет, бежит, мчится, летит, – заставляя этим человека отстать от него (*отстать от времени*), но позволяет себя догнать (*наверстать упущенное время*).

Башкирская ментальность представляет время движущимся равномерно и размеренно (*вакыт уте*), оно не агрессивно, но и не позволяет человеку властвовать над ним, его нельзя ни выиграть, ни сэкономить.

«Идея времени» и ее языковая репрезентация не относятся к явлениям статического порядка. Несовпадение структурных и содержательных компонентов темпоральных концептов позволяет увидеть определенные точки соприкосновения в истории русского языка и современном состоянии башкирского.

Данные исторической лексикологии русского языка показывают, что слова с темпоральным значением: *год, час* – исконно характеризовались диффузностью, что проявлялось в возможности обозначения как строго определенных отрезков времени, так и его общего понятия.

В современном русском языке эти понятия приобрели терминологический характер, в то время как в башкирском языке и в настоящее время наблюдаются случаи нежесткой связи темпоральных слов с астрономическими периодами

времени: слово *йыл* «год» употребляется и в значении «срок», лексема *төулең* «сутки» может обозначать промежуток времени длиной в год, обозначения суточных отрезков времени *кис* «вечер» и *тон* «ночь» способны выступать в качестве синонимов и т. д. Предполагается, что дальнейшая судьба этих слов будет связана с усилением их терминологической сопоставленности.

По наблюдениям В.В. Копочевой, русская лексема *время* образует особую группу дериватов, содержащих в значении сему «непрочный, нестабильный»: *временик* – «человек, по воле сильного покровителя временно оказавшийся у власти»; *времянка* – «временное строение», «временная печка». Следует обратить внимание и на глагол *повременить*, имеющий значение «подождать, пока не устоится, не определится, тянуть, медлить» (Копочева 2003: 306).

Башкирская лексема *вакыт* подобных дериватов не имеет.

Интересные моменты выявляются при сопоставлении некоторых пословиц, имеющих в своем составе темпоральные единицы. Так в башкирском языке бытует выражение *быйылғы эште йеринге калдырма* (букв. «дело нынешнего года не оставляй на будущий год»), что соответствует русской пословице *не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня*.

При несомненном семантическом сходстве башкирской и русской пословиц отметим различие в указываемых временных единицах: *год* в башкирском языке и *день* в русском. Этот факт привлекает внимание еще и потому, что слово *йарын* было заимствовано башкирским языком из турецкого именно в значении «завтра», о чем писал И.Г. Гаязутдинов, говоря об особенностях башкирского литературного языка начала XX века (Гаязутдинов 2000: 108).

Нам представляется, что подобное «разногласие» можно объяснить, обратившись к понятию «темпер жизни».

Размышляя о понятиях пространства и времени в контексте исторической психологии, С.Н. Полторак отмечает, что «на формирование человека, в том числе в разные другие времена, влияло не просто многообразие жизни, а иное качество этого многообразия, из которого следует выделить особо *тепп жизни...*» (Полторак 2003: 3). При этом под темпом жизни автор подразумевает и темп мысли, и темп действия.

Рассматривая культурный и ментальный архетип башкирского народа, З.Н. Рахматуллина указывает, что «размеренное и умиротворен-

ное (выделено нами. – З.Д.) бытие в самом центре природы, вдали от торговых караванных путей, от той суэтной городской культуры, в которой конкуренция и погоня за прибылью требуют изощренного искусства торговщества, рассудочности и рационализма, обусловили не только своеобразный образ мысли башкирского народа, но и специфику его национальной психологии» (Рахматуллина 2002: 182).

Таким образом, «размеренное и умиротворенное бытие» не могло не сказаться на «темпе жизни» башкирского народа, на оценке тех или иных отрезков времени. При замедленном темпе жизни малые временные отрезки становятся менее значимыми.

В качестве доказательства приведем еще один пример. Термин *йыл* (год) входит в стандартную фразу, встречающуюся в башкирских народных сказках: *йыл усеңен ай ускен, ай усеңен кон ускен* (букв. «за месяц он рос, как за год, а за день – как за месяц»). В русском языке это значение передается выражением *растя не по дням, а по часам*.

И вновь мы отмечаем увеличение обозначенного временного промежутка в башкирской фразе, связанное, по-видимому, с тем обстоятельством, что при присущем ему «температуре жизни» башкир не мог видеть явных изменений в такой короткий промежуток времени, как *час*.

Подтвердить наше предположение о влиянии темпа жизни на временные обозначения могут и сочетания форм множественного числа *годы* и *йылдар* с глаголами, обозначающими движение. Если русская форма *годы* легко сочетается с глаголами интенсивного действия (годы летят, бегут, мчатся), то для башкирского *йылдар* характерны только сочетания типа *йылдар аfa* (букв. «годы текут») и *йылдар уте* (букв. «годы проходят»).

Сопоставительный анализ концептов *день* и *кон* показывает, что характерной особенностью башкирского языка является употребление слова *кон* не только по отношению к человеку, но и применительно к бытовым предметам, которые окружают его в повседневной жизни. Так фразеосочетание *кон ботоу* (букв. «окончание дней») может иметь значение окончания спокойной, свободной, счастливой жизни применительно к человеку; в другом контексте оно обозначает отсутствие необходимости (часто временной) в каких-либо вещах: башкирское *санага кон ботто* означает, что в связи с окончанием зимнего периода отпала необходимость пользоваться санями.

Не лишены национальной индивидуальности и обозначения временных отрезков в рамках суточного деления времени. Так можно говорить об определенном соответствии атрибутивных словосочетаний с лексемами *утро* и *иртә*, например: *летнее утро – йейге иртә; сегодняшнее утро – богоного иртә; майское утро – май иртәне*.

Однако в башкирском языке нет выражения, соответствующего русскому *все (целое) утро*. Анализ подобных словосочетаний приводит нас к выводу, что в представлении носителей русского языка все четыре отрезка суточного времени являются самодостаточными, каждый из которых связан с определенным видом человеческой деятельности, с определенной степенью его активности, о чем свидетельствует наличие в русском языке фраз, обозначающих занятие чем-л. в течение длительного промежутка в рамках суточного деления времени: *заниматься чем-либо целое (все) утро, целый (весь) день, целый (весь) вечер, целую (всю) ночь*.

Башкирский язык в подобных случаях выражает обозначение деятельности, развертывая его на фоне суточного отрезка времени, ср.: *кон буйы, тон буйы укыу* (читать весь день, всю ночь; букв. «в длину дня», «в длину ночи»). Фраза с указанием на вечернее время менее употребительна: **кис буйы укыу*. И совершенно не актуализируется в этом плане обозначение утреннего времени. Фраза **иртә буйы укыу* в башкирском языке невозможна.

Указанные языковые явления подтверждают факт выделения в сознании человека прежде всего дневного и ночного периода в пределах суток. Вычленение утра и вечера произошло гораздо позже, причем утренний период как переход от сна к дневной деятельности занимает гораздо меньше времени, чем вечерний – период после окончания работы до отхода ко сну, что и объясняет определенные трудности языкового выражения утреннего времени как целостного периода в сознании носителей башкирского языка.

Кроме того, при рассмотрении концептов *утро* и *иртә* следует учитывать и такой фактор, который О.А. Корниловым обозначен как *фокус* категории времени. Есть основания предполагать, считает автор, «что фокусы временных концептов могут не совпадать в разных языках даже в тех случаях, когда объемы понятий совпадают». Основываясь на личном опыте, ученый предполагает, что, «к примеру, фокус китайского *zhao shag* находится существен-

но «раньше», чем фокус русского *утром*. Смысл китайской фразы, переводимой как «многие китайцы по утрам занимаются у-шу», может не совсем адекватно восприниматься русским человеком, чей фокус утра располагается в интервале от 7 до 9 часов. Китайцы же занимаются своей национальной гимнастикой значительно раньше – начиная с 4 часов. Сам иероглиф *zhao* означает не только «утро», но и «рано», поэтому возможное в русском языке словосочетание *позднее утро* (10-11 часов утра) труднопереводимо на китайский язык, поскольку противоречит национальной китайской логике, отраженной во внутренней форме языка: «позднее рано» (Корнилов 1999: 202).

Отметим, кстати, что по той же причине обозначение понятий «утро» и «рано» одним словом *иртә* – словосочетание, соответствующее русскому *позднее утро*, – отсутствует и в башкирском языке.

Смена природных циклов в русской языковой картине мира воспринимается как нечто внешнее по отношению к человеку. Они приходят в свой определенный срок и затем сменяются другими, что отражается в сочетаниях наименований времен года с глаголами движения, например: *весна идет, приближается, начинается, пришла, наступила, прошла*.

Аналогичные словосочетания имеются и в башкирском языке, ср.: *яз киле (идет), якынлаша (приближается), башлана (начинается), килде (пришла), етте (наступила), утте (прошла)*.

Эта модель словосочетаний позволяет говорить о соответствии их значений в русском и башкирском языках. Наименования времен года сочетаются с глаголами движения, а их значение позволяет судить о природных циклах как о чем-то внешнем по отношению к человеку.

Специфическими же для башкирской языковой картины мира являются некоторые глагольные словосочетания с наименованиями времен года, которые «включают» человека в процесс восприятия смены фенологических сезонов.

В качестве глагольных компонентов в этом случае выступают формы глаголов *керәу* (ходить, заходить) и антонимичного – *сығыу* (выходить), например: *язға сығыу* (букв. «выход в весну»), *кылка керәу* (букв. «вход в зиму»).

Интересно сопоставить употребление глаголов *керәу* или *сығыу* в зависимости от обозначения в составе словосочетания понятия теплого или холодного времени года. Глагол *керәу* (ходить), как видим из примеров, сочетается с

понятием холода – зимой, а глагол *сыбыу* (выходить), напротив, с теплыми сезонами – весной и летом. Разгадка в различии состава словосочетаний, возможно, кроется в кочевом образе жизни древних башкир.

Зимой башкиры жили в деревнях, они как бы «входили в зиму», как входят в теплый дом, и проводили там время до весны, общаясь по преимуществу с ближайшими родственниками.

Совершенно изменилась жизнь башкира с наступлением весны и появлением молодой травы. Состоительные семьи, имевшие большие отары и табуны, а также семьи, нанявшись на работу или взявшие скот на выпас, выезжали («выходили») на свои сезонные стоянки, именуемые *язлау* (весенние), *йейлеу* (летние) и *козлеу*

(осенние). С наступлением заморозков люди возвращались в деревню.

Таким образом, обозначение времен года и их промежутков связано в башкирском языке с условиями существования башкира-скотовода, башкира, ведущего полукочевой образ жизни, в то время как обозначения времен года в древнерусском языке выявляют аграрный характер народного календаря.

Проведенный контрастивный анализ темпоральных концептов, репрезентированных языковыми средствами русского и башкирского языков, обосновывает универсальность категории времени в когнитивных системах этих языков и достаточно четко выявляет национально-специфические особенности их семантического пространства.

Список использованной литературы:

1. Галиутдинов 2000. – Галиутдинов И.Г. Два века башкирского литературного языка. Уфа, Гилем, 2000. – 448с.
2. Гачев 1998. – Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. М. Академия, 1998. – 429с.
3. Копочева 2003 – Копочева В.В. Время в русской культуре и языке // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект. Ч.1. СПб., 2003. С. 304-310.
4. Красухин 1997. – Красухин К.Г. Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 62-77.
5. Корнилов 1999. – Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., МАЛП, 1999. – 341 с.
6. Крейдлин 1997. – Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 139-151.
7. Кронгауз 1990. – Кронгауз М.А. Структура времени и значение слов / Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. Вып. 3. М., 1990. С. 45-52.
8. Плунгян 1997. – Плунгян В.А. Время и времена: К вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 158-169.
9. Полторак 2003. – Полторак С.Н. Некоторые размышления о пространстве и времени в контексте исторической психологии // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект. СПб., 2003. – Ч.1. С.1-4.
10. Рахматуллина 2000. – Рахматуллина З.Н. Башкир: Каков его менталитет? // Ватандаш, 2000. №2. С. 182-186.
11. Шведова 1999. – Шведова И.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкоznания. 1999. №1. С. 3-16.